

Владимир Голубев

Владимир Михайлович Голубев родился в 1965 году. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Учился на факультете правоведения Юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. Служил старшим следователем Серпуховского управления внутренних дел, следователем по особо важным делам Серпуховской прокуратуры.

Писательскую деятельность начал в 1992 году. Первая большая публикация была в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса», «Асины сказки», «Сказы Матушки Оки», «Забывтый рубеж», «Летучий корабль», нескольких детективов и др.

Лауреат Общенациональной литературной премии имени П. П. Бажова, лауреат II степени в номинации «Большая проза» литературной премии имени А. Дельвига и др.

Живет в городе Серпухов Московской области.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ЗАГАДКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ»

Часть I. Осьмнадцатый век

Глава 3.

Михайло Чулков и Михайло Попов

«Биография Михайло Чулкова до сих пор была темна. Светлые ее места состояли из ошибок», – писал один из главных исследований творчества Чулкова, Лёвшина и Попова Виктор Шкловский. Что ж, попробуем... итак, Михаил Дмитриевич Чулков родился, вероятно, в Москве 8 (19) ноября 1744 года или, по данным того же Шкловского, в 1743 году, умер 24 октября (4 ноября) 1792 года, немного не дожив до полных сорока восьми или сорока девяти лет (последняя цифра указана родственниками на табличке для памятника, которая сохранилась, следовательно, Шкловский прав). Русский писатель, этнограф и фольклорист, издатель, историк, экономист.

Михайло Дмитриевич родился в Москве в семье солдата московского гарнизона. По всей видимости, мальчик от природы был смысленый и любопытный, и, судя по публикациям в журнале «И то и сьо», грамоте его выучил русский учитель, после чего «...начал он прилежно и неусыпно к чтению духовных книг, и что ему казалось примечания достойного выписывал он на бумажку...». Несмотря на излишне строгое воспитание и порку, будущий литератор попал в разночинское отделение гимназии при Московском университете (1755–1758), учился хорошо и потому оказался в списке учащихся, представленных к награждению. В гимназии студентов только подготавливали к обучению в университете, маловероятно, что Чулков затем слушал лекции профес-

соров Московского университета по «словесным наукам»; видимо, это легенда, придуманная самим литератором для поднятия своего образовательного ценза. Кстати, он учился вместе с братьями Фонвизинными и Н. И. Новиковым...

В годы учебы Михайло, будучи статен и хорош собой, принимал участие в студенческих спектаклях университетского театра, и вот уже с середины 1761 года он – актер придворного российского театра в Петербурге. Чиновничья карьера М. Д. Чулкова завязалась в начале 1765 года, когда он попал на придворную службу лакеем, затем стал камер-лакеем и придворным квартирмейстером, даже находясь некоторое время при наследнике престола – Павле. В 1770 году Чулков поступил на государственную службу, став коллежским регистратором в сенатской канцелярии. В 1771 году перешел в Герольдмейстерскую контору в чине регистратора. К этому времени судьба самого Чулкова изменилась, и из литераторов, кормящихся от пера, он превратился в ученого чиновника, сделался чем-то средним между приказным и исследователем. В 1772 году Чулков благодаря покровительству генерал-прокурора князя А. А. Вяземского и вице-президента коммерц-коллегии Н. И. Неплюева был определен в коммерц-коллегию секретарем, где прослужил до 1779 года, после чего его повысили. Он приступил к работе в Главном магистрате в чине коллежского асессора, где дослужился до чина надворного советника. Теперь к солдатскому сыну обращались «ваше высокоблагородие».

***

Начало литературной и издательской деятельности Чулкова относится ко второй половине 1760-х годов. В это время он создает много художественных произведений, издает четыре сборника рассказов и сказок. Так, 1 февраля 1766 года двадцатиоднолетний придворный лакей Чулков

подает в канцелярию Академии наук «доношение» о напечатании в академической типографии сочиненной им книги «Пересмешник, или Славянские сказки» тиражом шестьсот экземпляров. Но книги получил не сам, а Н. Новиков, который к этому времени уже занимался книгоиздательством и книжной торговлей. Книга Чулкова имела шумный успех. К концу 1766 года была напечатана и вторая часть «Пересмешника». Еще в предисловии к первой части Чулков откровенно указывает, что книгу выпустил, не чтоб прославиться, а чтобы выучиться на своих ошибках, извиняется, что использовал «...несколько чужих слов...», и указывает, что есть у нас сочинители, которые русскими буквами изображают французские слова, и такие книги непонятны тем, кто учился на медные деньги, и на свое собственное низкое происхождение.

В сборники Чулкова входили русифицированные рыцарские поэмы, восточные сказки с установкой на развлекательность, что приятно отличало тексты от набившей читателям оскомину литературы классицизма. Видимо, это были одни из первых литературных сказок, где автор пытался создать новый жанр. В 1783–1785 годах выходит издание «Славянских сказок», а в 1789 году – третье. Профессор Д. Д. Благой так писал об авторе сборника: «М. Д. Чулков был первым, кто вывел истории и сказки из устного и рукописного бытования и, причудливо сочетав их с мировой литературной традицией, возвел в степень литературы».

О книге заговорили повсеместно, успех «Пересмешника» был ошеломляющим. Да и как тут не промолчишь, коли повествование затеяли два молодых повесы, по очереди рассказывающие диковинные истории: один – житейские, бытовые, игривые, порою в духе «Декамерона», другой – волшебные, где герои то и дело сталкиваются с чудовищами и, разумеется, одолевают оных. Видимо, Чулков

не зря зачитывался в юности волшебными богатырскими повестями о Бове Королевиче, и о Еруслане Лазаревиче, и о Фроле Скобееве, не зря, по его собственному утверждению, он сорок раз переписал повесть о Бове.

***

В феврале 1767 года Чулков, будучи уже придворным квартирмейстером, подал прошение о напечатании «Краткого мифологического лексикона». Он был издан, однако автор не рассчитался с типографией. В книге автор объясняет имена и термины греческих, римских, славянских мифов и легенд. Его предуведомление достаточно лаконично: «Краткий сей Лексикон предпринял я собрать с тем, чтоб услужить моим одноземцам тем, которые не знают иных языков, о пользе же его говорить почитаю я за излишнее; ибо они сами употребляя его в нужных случаях узнают, сколько он потребен».

Отметим, что в следующем году Михайло Попов, без которого не обойдется наш рассказ, будучи литературным сотрудником Чулкова, как, впрочем, и Новикова, выпустил «Описание древнего славенского баснословия».

Третья часть вышла в начале 1768 года, а четвертая – в том же году. Пятый его сборник, наполненный патриотическим чувством, увидел свет только в 1789 году под названием «Пересмешник, или Славянские сказки» (четыре – 1766–1768 годы; пятый – 1789 год). В своих рассказах, написанных на основе народного творчества, Чулков попытался отразить повседневную жизнь России, чтобы заинтересовать читателя. Кстати, рассказ «Горькая участь» (1789) содержит первые признаки привычного для нас детективного сюжета, где описывается расследование убийства крестьянской семьи. Современный исследователь Константин Ситников в своей статье назвал «Горькую участь» первым

образцом детективного жанра в отечественной литературе, что делает ее одним из предвестников детектива не только в отечественной, но и в зарубежной литературе.

***

«Пересмешник» – книга пестрая, содержит в себе рыцарские романы, сравнительно с небольшим количеством волшебных моментов, плутовские новеллы, очень умело написанные, и маленькие бытовые повести, сюжеты часто заимствованы, например, из «Декамерона». Книга разбита на вечера, и одна повесть перебивает другую. В плутовских повестях автор часто останавливает действие для подачи социальной характеристики героев, причем эти герои потом не используются в действии, т.е. мы здесь имеем плутовской роман с бытовыми элементами, роман нравоучительный, созвучный времени. В книге есть и длинные вставки рыцарских романов, правда, довольно сильно измененные. В них меньше турниров, больше мифологических примечаний и приключений в домах первосвященников, причем они напоминают хорошо знакомых Чулково протопопов и протопресвитеров. Имеются указания на всем известные места, на географические наименования, например, на дуб, росший под Москвой.

Для Чулкова часто важен не сам сюжет, а эпизод, шутка, острое слово. Так, язык «Пересмешника» по меркам того времени весьма веселый, пересмешливый, употребляющий перифразу и тут же ее разгадывающий: «...вдруг остановил его по голосу человек, а по платью пылкое животное; наследник покойного Меркурия, а именно скороход...» (ч. III, М., 1789, изд. 4). Автор нарочито употребляет старые приемы описания и одновременно их пародирование. В последнем томе материал более архаичен, чем в первых, в нем встречается больше чудес и всевозможных волшебников.

Имеются, правда, у Чулкова настойчивые попытки придать своим героям характер. Особенностью народной волшебной сказки было то, что у героя отсутствовала какая-либо заслуга – герой просто преодолевал одно волшебство за другим. Михаил Дмитриевич же под влиянием современной иностранной литературы пытается несколько оживить эту схему, тем самым создавая элементы литературной сказки. У него герой побеждает благодаря тому, что сам догадался завязать себе глаза, поэтому и не был прельщен необыкновенной красотой волшебницы, которая была для него препятствием.

Кончается «Пересмешник» двумя однотипными повестями: «Пряничная монета» и «Драгоценная щука». В первой после длинного рассуждения описывается хитрость одного мелкопоместного дворянина Фуфаева, который, прослужив в армии тридцать лет, прикупил к двадцати пяти душам еще девятьсот пятьдесят и построил в имении винокуренный завод. Таким образом он обошел привилегию откупщиков.

На эту повесть похожа история с «Драгоценной щукой». Начинается она тоже с большого предисловия о взятках вообще, потом рассказывается о воеводе, принимавшем в качестве подношения только одну большую щуку, «которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок».

***

Отметим, что в 1769 году Михаил Чулков начинает выпускать журнал «И то и сьо», который, кстати, в знаменитой полемике между новиковским «Трутнем» и журналом «Всякая Всячина», выходящим под присмотром императрицы, принял сторону последнего. Затем выходит в свет и его второй журнал «Парнасский щепетильник». Оба эти

журнала были рассчитаны на массового читателя того времени – средние слои горожан, прежде всего купечество, и мещан. Мы не станем подробно останавливаться на тематике изданий, учитывая, что им посвящена масса исследовательских работ, отметим только моменты, касающиеся нашего исследования. Так, «И то и сьо» содержит в себе как будто собрание задач для писателя на всю жизнь. Туда вошли из уже изданного «Краткого мифологического лексикона» сведения о классических и русских богах (недели 37, 38, 39), и почти рядом с этим напечатано этнографическое описание русской свадьбы (недели 43, 44), как будто приготовленное для будущей «Абевеги». Подлинная этнография соседствует с частично выдуманной мифологией и даже начинает ее вытеснять со страниц издания.

М. Д. Чулков также является автором первого русского романа «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» (1770) – рассказа о «невольной доле» сержантской вдовы: о взаимодействии социальной среды и природы человека, о противоречивости характера воздействия общества на личность – и авантюрного рыцарского романа «Повесть о Силославе».

В 1770–1774 годах выходит «Собрание русских песен» М. Чулкова, а в 1780-м издается еще пять тетрадей «Собрания наилучших российских песен», которые внесли большой вклад в народную культуру и были очень популярны среди демократических кругов читателей и в XIX веке.

***

В 1772 году Николай Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» поместил следующую заметку о Чулкове:

«Чулков, Михайло, коллежский регистратор, находящийся при Правительствующем Сенате, много писал сти-

хов, из коих некоторые не худы, и напечатаны в изданном им еженедельном сочинении И то И сьо 1769 года, и ежемесячном Парнаском Щепетильнике 1770 года. Он сочинил шутивную поему, Плачевное падение стихотворцев, стихами; также прозою сочинил и издал в свет первые четыре части Пересмешника, или Славянских сказок; первую часть Пригожей Поварихи, Похождение Ахиллесово, под именем Пирры; во одном действии комедию: как хочешь назови; и много сатирических писем, напечатанных в еженедельном его сочинении. Он собрал из разных Авторов краткий Мифологический Лексикон, который и напечатан в Санктпетербурге 1767 года».

Кстати, как мы можем убедиться, отзыв Новикова чрезвычайно сух. Он не соизволил приложить в текст про Чулкова и к его стилю ни одного эпитета, хотя современники, да и нынешние исследователи, отмечают, что литератор обладал живым и бойким пером, например, в отличие от А. Радищева, цепко державшегося за архаику. Проза литератора, как мы видим, здесь только упомянута.

Рассмотрим «Повесть о Нетоне» Чулкова, опубликованную в 1769 году в его журнале. В самом начале автор честно предупреждает, что хочет рассказать «некоторую сверхъестественную притчу», услышанную от «...некоторого отставного приказного служителя», промышляющего «переписыванием разных историй, которые продаются на рынке, как то например: “Бову Королевича”...» Читателей сразу отсылают к рукописным сказочным богатырским повестям-сказкам, которые пользовались большой любовью и спросом в то время.

Второй абзац совершенно сказочный, зачин совмещает в себе легкую народность и в тоже время галантность текущего столетия: «В некоторой части света, где обитают или обитали волшебницы, некто человек молодой...» Далее описываются местность, блуждания его героя, заблудив-

шегося в незнакомой местности, которое, между прочим, пародийно описывается при помощи штампов: «Солнце уже спустилось за горы, и лучи его померкли, вечерняя заря потухла, и мрачная ночь повсюду расселилась». Описываемый вид напоминает всё еще модный в то время пасторальный пейзаж, кстати, в сказке упоминается пастух. Видя спящую и одновременно стонущую окаменевшую женщину, Нарсим засыпает рядом, а когда проснулся – она благополучно ожила, прямо как спящая красавица. Дальше последовало еще много превращений, в том числе и главного героя. В конце сказочной повести явилась мораль, свойственная многим французским литературным сказкам, например Шарля Перро, которые, кстати, за год до публикации «Повести о Нарсима» были изданы в Москве на русском языке: «Никогда не должно того желать, что нам непонятно и что есть сверх наших сил...» После, прямо совсем по-сказочному, благополучное завершение – счастливая свадьба и, как водится: «...жили они благополучно до тех самых пор, пока справедливая судьба не благоволила им переселиться на тот свет к лучшему покою».

***

На государственной службе у Михаила Дмитриевича всё шло замечательно, наконец-то мечты солдатского сына сбылись и в 1789 году он стал дворянином, так называемым «новомодным», за выслугу. Как будто разговаривая с ним и поругивая его, писал Василий Лёвшин в «Повести о новомодном дворянине»:

«Предки его, блаженные памяти, с великим усердием набивали карманы свои трудами тех несчастных коих хлопоты принуждали подавать прошения в то место, где они отправляли должности повытчиков и Секретарей. По несчастию их, таковое грабительство дошло до Правосудия.

Оно наполнясь гнева, издало закон, всех тех, кои возьмут за работу с того, что истинна велит решить безденежно, привязывать для исправления шеями к веревке, висящей у машины, сходствующей на П. Сия загвоздка у многих испортила по несколько фунтов крови, или по крайней мере, с не большою сухостию в роте, положила пределы их корыстолюбию. Родитель сего дворянина, также почувствовал свербеж за спиною, и скупа безмездными трудами, оставил приказную службу, купил деревню и поселился в показанном месте, чтоб пользоваться безопасно награвленным».

И как будто М. Д. Чулков отвечает ему в последней, пятой, части своего «Пересмешника», изданной только в 1789 году, возражая всяческим наветам:

«...Многие чрез чур честолюбивые дворяне не заслугами отечеству, но одною пороною своею возвышающиеся, родословия своего далее времен великого князя Рурика показать не могут, хотя и крайнее старание и великие капиталы к тому употребляют; а большею частию выезжие роды в России, утверждая часто многие из них в приятельских собраниях, что род их по прямой линии происходит от Ромула, основателя древнего Рима, но в здешних де архивах все то утрачено».

Это вроде написано про самого Лёвшина, про его легендарного предка Сувола. Родословные, в частности и самого Василия Алексеевича, а также пушкинские стихотворные родословные – означают долгую борьбу внутри сословия дворян, борьбу старого столбового дворянства с новым, заслужившим титул усердной службой. Как мы видим, такое положение сохранилось и до пушкинских времен, и до 1917 года...

В последнее десятилетие своей жизни Чулков вследствие улучшения своего материального положения получил возможность приступить к осуществлению многих ранее задуманных планов. Он продолжил публикацию эт-

нографических материалов, изучение и издание которых начал с 1760-х годов. В 1783 году он издал известный и популярный донныне в некоторых кругах «Словарь русских суеверий» (2-е издание вышло в 1786 году под названием «Абевега русских суеверий»), где описал обряды, бытовые обычаи, приметы, этикет и народные праздники. Чулков придерживался принципа равенства всех народов, верования и традиции которых заслуживают одинакового внимания и интереса, потому упоминает не только предрассудки русских, но и, например, обычаи камчадалов. Вместе с М. И. Поповым продолжал трудиться над составлением словаря русского языка.

В последние годы жизни Чулков напечатал пятую часть «Пересмешника». В нее вошли наиболее удачные в художественном плане повести: «Драгоценная щука», «Пряничная монета», «Горькая участь», в которых он обращается к теме печальной доли крестьянства.

Из литературных противников Михаила Дмитриевича и непростых отношений с Н. Новиковым следует отметить Федора Эмина, которого Чулков обличал в своем журнале всеми возможными способами.

Федор Александрович Эмин (1735–29 (18) апреля 1770) – писатель интересный и обладатель выдающейся и, очевидно, полностью выдуманной биографии. В России он выдавал себя за венгра, принявшего мусульманство. Якобы некоторое время служил янычаром в самом Стамбуле, после бежал и, оказавшись в Лондоне около 1758 года, принял православие и попросил русского подданства. Видимо, Эмин был из тех малороссов (ныне украинцев), возможно, подданный Польши, которые убегали к туркам, чтобы потом, попав в Россию, выдавать себя за греков или албанцев. Таким был, например, греческий епископ Анатолий Мелес, биография которого вкратце рассказана в книге «Житие архиерейского служки».

В Архиве Московского дворянского депутатского собрания находились дела рода Чулковых, о которых было сделано краткое сообщение А. А. Фоминым:

«В 1789 г. Декабря 3. М. Д. Чулков, надворный советник и Правительствующего Сената секретарь, подал в Московское дворянское депутатское собрание «объявление», т.е. прошение о внесении его в дворянские книги Московской губернии. Среди документов есть его посемейный список, выданный 4 августа 1785 г.: в нем значится М. Д. 45 лет от роду: стало быть, родился он в 1740 г., что доселе не было известно. Не было также известно, что М. Д. женился на дочери комиссара Гаврилы Ивановича Баталина, Анне. В 1766 г. у М. Д. и А. Г. Чулковых родился сын Владимир, который числится в посемейном списке служащих в Правительствующем Сенате регистратором. В 1783 г. Чулков купил недвижимое имение в Московской губернии, Дмитровского округа, Каменского стану в сельцах Коквине и Бутове и деревне Поповской с 76 душами крестьян и 63 д. женского пола по последней ревизии».

В деревеньки свои новоявленный дворянин влюбился так, что в «Словаре учрежденных в России ярмарок» (1788), видимо, намеренно указал и крохотную ярмарку своего села. Причем вставил подробное описание пути с указанием всех станций к своему селению прямо от Москвы.

«Коквино, правильнее Коковино сельцо, Московской губернии Дмитровской округи, Каменского стана, помещика Надворного Советника Михайла Дмитриева сына Чулкова, сочинителя сей книги: от Москвы пятьдесят девять от Дмитрова семнадцать верст. При одном сельце на погосте Св. Великомученика Георгия, что слывет в Коношенной, бывает ярмарка после Пасхи в десятую пятни-

цу, и продолжается один только день. На оную приезжают купцы из Дмитрова, привозят мелочные товары, как-то иглы, пуговицы, запонки, ленты, платки, набойки, крашенину, разную посуду для домашнего крестьянского употребления, также разные железные орудия для земледелия, обувь и всякие съестные припасы».

Подводя итог литературной деятельности Михайло Чулкова, процитируем его собственноручное письмо о себе и своих трудах:

«В книге, названной опыт исторического словаря о российских писателях, напечатанной в 1772 году, под буквою Ч. напечатанная статья: Чулков Михайло, коллежский регистратор и прочая, надлежит быть поправлена и напечатана так: Чулков Михайло Дмитриевич, Надворный Советник, и Правительствующего Сената Секретарь в малолетстве обучался в Императорском Московском Университете, и изучив одно токмо начальное основание словесных наук, взят был из оногo с прочими по имянному указу и определен в службу, в которой находяся сочинил и напечатал следующие книги: 1. Исторического описания Российской торговли 7 томов, состоящие в 21 книге: оные напечатаны по Высочайшему повелению на счет Кабинета. 2. Краткий Мифологический Словарь. 3. Словарь русских суеверий. 4. И то и сьo, еженедельное сочинение. 5. Парнасский щепетильник, ежемесячное сочинение. 6. Славенских сказок или Пересмешника 5 частей. 7. Собрания разных песен 4 части с прибавлением. 8. Похождение Ахиллесово под именем Пирры до Троянскаго осады, I часть. 9. Пригожая повариха, I часть. 10. Плачевное падение стихотворцев, сатирическая поема. 11. Наставление необходимо нужное для купцов, а особливо для молодых людей, I часть. 12. Краткая история о Российской коммерции, I часть. 13. Словарь учрежденных в России ярмарок. 14. Экономические записки для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику.

15. Сельский лечебник, или словарь врачевания болезней, бываемых в роде человеческом, в роде скотском, конском и птиц домашних, 3 части. 16. Перевод прозаической с французского языка писем Петрарка к любовнице его Лоре переложил в стихи.* Сочинены, но не напечатаны. 17. Словарь законов, временных учреждений, указов, суда и расправы Российского государства. 18. Юридический словарь с 1762 года Юлия 28 дня. 19. Проект трактата между Европейскими Государями для вечного истребления в Европе войны. 20. Краткие примечания об экономических крестьянах обитающих около Москвы, во отношении нерадения их к хлебопашеству. 21. Словарь земледелия, скотоводства и домостроительства, 3 части. 22. Самозванец Гришка Отрепьев сатирическая поэма в девяти песнях. 23. Проект для заведения купеческого банку при Санктпетербургском порте которого сумма раздаваема быть должна купцам претерпевшим несчастные приключения и тем, кои за понижением цены при порте немогут продать привезенных товаров. 24. Две комедии, перьвая добродетельно нерадивый в 3 действиях, которой сочинено 1 токмо действие и утрачено: вторая как хочешь назови, представленная в Санктпетербурге на придворном Театре неоднократно. 25. Лексикон или словарь Российского языка, сочиняем был обще с Михаилом Поповым, сочинителем книг под названием Досуги, которого словаря до несколько тысяч вокабулов собрано было, то есть имен и глаголов с их происхождениями и прочих частей грамматических словенского и Русского языка; но как в Университетской типографии напечатан был лист словаря Российского языка, а притом и объявлено, что и весь оный сочинен, и мы увидя из того листа, что расположение в нем было точно так, как мы свое сочинение расположили, того ради оставили сие дело, и истребили его на всякие ненужности, и можно сказать, что много стоило труда истребить его, следственно сочи-

нить и еще того больше. 25. И еще многие мелкие сочинения, напечатанные в разных книгах».

Как мы может видеть, в этом списке нет ни «Русских сказок», ни «Древних сказок славян древлянских». А ведь в начале XIX века Чулкову щедро приписали «Русские сказки», написанные Василием Лёвшиным. Это показывает, как впоследствии его воспринимали в обществе, как собирательный образ «низкого» писателя, писавшего занятную литературу для простого народа.

Михаил Дмитриевич сочинил для памятника эпитафию, подводящую итоги его бурной, но, к сожалению, такой недолгой жизни:

Кого сей памятник печальный покрывает?

Увы! Чулкова прах под сим опочивает.

Чулкова – друга Муз, защитника сирот:

Кто кроткая души, трудов бессмертных плод

Принёсши, облетел, как древо сил лишённо.

Но где награда?.. Там... Здесь всё мечта, всё тленно.

Такова необычная судьба солдатского сына, разночинца, получившего образование, благодаря своему дарованию прошедшего огонь и воду и медные трубы, много трудившегося, в том числе и на литературном поприще, ставшего потомственным дворянином, но боровшегося с дворянскими привилегиями, издававшего книги для горожан и грамотных крестьян. К сожалению, после смерти в Москве 24 октября 1792 года он прославился чужими произведениями. А творчество самого Михаила Дмитриевича Чулкова оказалось в забвении, его книги в XIX веке не переиздавались.

Братья-литераторы, словно сговорившись, не замечали Чулкова, да и Лёвшина с Поповым, писавших для демократических слоев русского общества. В веках девятнад-

цатом и двадцатом очень сурово отнеслись к волшеббно-богатырским изысканиям нашей троицы. Петр Полевой в своей трехтомной «Истории русской словесности» их даже не упомянул, а Иван Сахаров в «Обзрении русских народных сказок» осудил за «произвольные выдумки» (хотя и сам аналогично грешил). Степан Савченко в начале XX века в замечательном труде «Русская народная сказка» (Киев, 1914) попросту от них отмахнулся. Только в XX веке проявился научный интерес к М. Д. Чулкову.

Михайло Попов

Одновременно с Чулковым в Москве и Петербурге работал русский писатель и переводчик Михайло Иванович (ранее указывалось Васильевич) Попов (1742 – около 1790 в Санкт-Петербурге, по сведениям М. Н. Муравьева, умер в 1781 году), сын ярославского купца, где родился, точно неизвестно. О нем мало что известно, до настоящего времени даже не сохранилось портрета литератора. Едва можем предположить его внешний облик, согласно строчке из чулковского стихотворения: «Лице, как бедная раскольничья икона...», видимо, выглядел он как больной чахоткой (туберкулезом) и рост имел маленький даже по тем временам (около полутора метров), что служило бесконечным предметом для шуток.

Попов подвизался вместе со старшими братьями Яковом и Алексеем в первом профессиональном театре Ф. Г. Волкова. После того, как старшие братья, ставшие профессиональными актерами, перебрались в Петербургский театр, пятнадцатилетний Михайло вместе с ними отправился в столицу, где служил в Придворном театре с 1757 по 1765 годы. В это же время, с 1760 года, начинаются его первые опыты на литературном поприще – переводы пьес

для театра. Попов, по некоторым сведениям, также учился в шляхетском корпусе, а с 1765 года – в Московском университете, по окончании стал чиновником. Был секретарем при Комиссии составления проекта нового Уложения, числился в одном из комитетов до 1780 года, где также работал и Н. И. Новиков, который принялся подбивать его к литературной работе. В 1769 году Михаил Иванович получил чин коллежского регистратора и вернулся в Петербург. В 1776 году Попов уже имел чин губернского секретаря. После роспуска Комиссии судьба его неизвестна, возможно, занимался только литературным трудом у Чулкова и Новикова либо вскоре умер, в 1781 году.

***

Вернувшись в северную столицу, Попов начинает активно сотрудничать с сатирическим журналом «И то и сьо» Михаила Чулкова, с которым дружил, ведь они оба были когда-то актерами. Литератор много работал и с другими сатирическими журналами, в том числе издаваемыми Н. Новиковым. Переводил пьесы для театра с 1765 года, политические трактаты, восточные сказки в обработке Ф. Пети де ля Круа «Тысяча и один день» (1777–1779). Писал оригинальные комедии «Отгадай и не скажу» (опубликована в 1772 году), первую русскую комическую оперу о жизни крестьян «Анюта» (1772), а также песни с использованием народного фольклора. «Анюту» поставили в Царском Селе в исполнении придворных певчих 26 августа 1772 года, она оказалась также первой русской пьесой, поставленной за границей, в русском посольстве в Константинополе, во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира. «Анюта» во многом определила некоторые черты жанра на русской почве: крестьянская тема, противопоставление города и деревни, комическое,

но не отрицательное изображение крестьян. А имена Анюты и неудачливого ее жениха Филата после стали традиционными в русской комической опере.

На псевдоисторическом материале Попов написал роман «Словенские древности, или Приключения славенских князей» (ч. 1–3, 1770–1771 годы, второе издание – в 1778 году). Литератор изображал русское средневековье как европейскую эпоху рыцарства, широко заимствовал мотивы западноевропейских волшебных сказок, галантного романа и рыцарских романов из серии изданий «Синяя библиотека», ставших в Европе к XVIII веку народными книгами. Использование фольклора у М. И. Попова, в отличие от более поздних сборников В. А. Лёвшина, ограничивается интернациональными мотивами.

Современник Михаила Ивановича, сенатор и попечитель Московского университета М. Н. Муравьев, в начале 1780-х годов упоминал о нем как о «сочинителе при Уложении, который мог быть лучше сочинителем при Комиссии Муз и Граций. Верное изображение французских литераторов: беден, прост, добросердечен, трудолюбив – и забыт».

***

Теперь еще одна продолжительная, но необходимая ремарка: поговорим о формировании русской мифологии, к чему одним из первых приложил свою руку Михайло Чулков, а следом и остальные из нашей троицы: Михайло Попов и Василий Лёвшин. Данный вопрос для нас важен тем, что литературная сказка сразу начнет черпать образы из этой копилки, возьмем, например, русалок.

Припомним, так еще академик Михайло Ломоносов предполагал в «Древней российской истории»: «Древнее многобожие в России, сходствующее с Греческим и Римским подтверждается еще, сверх письменных известий,

другими примечаниями: что значат известные в сказках Полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? не гиганты ли Волоты. Не Нимфы ли в кустах и при ручьях сельской простотою мнимые русалки? Не соответствует ли Царь морской Нептуну, а чуды его Тритонам? Чур поставленному на меже между пашнями Термину?» Видимо, отсюда и пошли русские системы мифологии, которые до настоящего времени плодятся и нет им числа.

Одним из первых русских разработчиков мифологии и стал Чулков, чьи труды в этой области располагаются в следующем порядке:

1) Мифологические примечания к «Пересмешнику» (1766–1768)

2) «Краткий мифологический лексикон» (1767)

3) «Весьма краткое известие о мифологии» («И то и сьо», 1769)

4) «Словарь русских суеверий» (1782)

5) «Абевега русских суеверий» (1786).

Для того, чтобы сравнить две системы мифологии: систему греческую, которой пользовались литераторы, особенно поэты, и систему русской (славянской) мифологии, точнее попытки перейти на нее, – приведем два отрывка из сочинений М. Чулкова: «Молодая Фетида, дочь Нереева и Дорисина, выдана будучи за Пелея Эакова сына, а брата Телемонова: родила от него сына, которой назван был Ахиллесом, и уведовши от Колханта жреца, что без Ахиллеса сына ее, не возможно будет взять города Трои грекам, и что он там будет убит перерядила ево в девическое платье, когда еще ему было только девять лет, и отослала на остров Сцирос, ныне называемый Широ, который недалеко от Эвбеи или Негрепонта, к царю Ликодему, дабы ему там быть воспитану и укрыту. Ахиллес пребывая у того царя, и ходя в девической одежде под именем Пирры, имел свободный

случаи полюбить его дочь называемую Деидамиею, и быть от нее любимым взаимно; но когда греческое ополчение против Трои собралось все в Авлиду, то Колхант объявил, что Ахиллес укрыт на помянутом острове Сциросе девическим одеянием; чего ради и отправлен от него к царю Ликодему послом Уликс Царь Итакский. Между прочими дарами, кои посол привез царевне и придворным ее девицам, находилось оружие, как то шлем, копье и щит, за которое Ахиллес по природе своей охотнее всего взялся, нежные дары оставив девицам. Сие самое было указанием по которому Уликс признал Ахиллеса.

Что ж касается до расположения сей истории и до прибавки выдуманных мною случаев, то в том поступал я по моей воле».

Это – предуведомление Михаила Дмитриевича к его мифологической повести «Похождения Ахиллесовы под именем Пирры до Троянския осады», изданной в Санкт-Петербурге в 1769 году. Повесть представляла собою прозаический пересказ стиховой трагедии Василия Тредиаковского. В том же 1769 году в журнале «И то и сьо» Чулков напечатал «Стихи на семик». Кстати, семик – народный праздник за три дня до Троицы, в ходе которого поминаются неприкаянные души «заложных» покойников, умерших не своей смертью, а их души возвращаются на землю и живут в виде мифологических существ. Вот они:

Не смейся Муза мне, а я не хохочу,
Что из пустова класть в порожнее хочу,
Намеренья мое горох лепити в стену, [с. 96:]
Бериозкам положить в семик цену,
Чтоб красны девушки по утру пробудясь
И лучше, как они умеют: нарядясь,
Без торгу брали их и ставили в кружечик
Сбираясь на берег иль инде на лужечик,

Но прежде нежели плясать они начнут,
Я мысленно еще слетаю в Волхов пруд,
Что мутная река сперва именовалась,
И после Волховом она уже назвалась,
Рассыплю на берегу наметанной бугор,
Где спит тот Князь и Волхв и с ним богов собор,
Которых прежде здесь Славяне почитали,
И кои уж давно почтенье потеряли.
Как молвить например: Перун громовой бог,
Которого они дубьем свалили с ног,
И бросили в реку на веки там купаться,
Чтоб перестали их невежеству смеяться.
Второй степенной бог Волос, или Велес
Из храма своего чуть ноги лишь унес,
Как начали тузить в бока и в лоб и в зубы
Завыли Лада, Дид, Белбоги и Дашубы,
Догода, Коляда, Купало и Услад,
Святовичь деланной весьма на чудной склад.
Ягая баба, Чур, Полкан и Симаергла,
Ужасный Чернобог, что в ад судьбина свергла,
Летели из домов как черти с небеси,
Пощады не было хоть сколько ни проси,
Очистили они и улицы и храмы,
Невежество богов и все повергли в ямы.
Язычество сие мещане здесь клянут;
Незнаньем же к нему еще довольно льнут.
Семик веселый день его не пропускают
И в песнях тех богов почасту вспоминают...

***

Михайло Иванович Попов также издал небольшую книжечку, похожую по размеру на записную: «Описание древнего славенского языческого баснословия, собранно-

го из различных писателей и снабженного примечаниями. В Санктпетербурге. 1768 году».

В предуведомлении Попов честно указал источники, которыми пользовался: «...за потребное признаю уведомить читателя, что материя составляющая сию книгу выбрана мною из славено-российского древнего летописца, из Российской истории покойного господина Ломоносова, из историографии о начале происхождения Славенского народа г. Мавроурбина Архимандрита Рагужского, из некоторых рукописных Российских летописцев, из простонародных сказок, песен, игр, и оставшихся некоторых обыкновений.

Признаюсь при сем, что я много может быть упустил достойнова примечания, а в извинение мое ничего более предложить не имею, кроме малого моего сведения, перьвого в сем деле труда».

Подобно Чулкову, Попов в своей мифологии многое придумывал, много записывал чужих выдумок. Выдумки его впоследствии перешли в пресловутую «Histoire de la Russie ancienne et moderne» французского медика и историка Н.-Г. Леклерка и вызвали возражения историка Ивана Никитича Болтина. «...за благо рассудил автор... описать древнее богослужение славян, почерпнутое им, как сам он признается, из сочинений г. Попова, изданных под именем Досуги. Г. Попов, будучи в древностях славянских мало сведущ, внес в свою баснословию все что ему ни попалось без разбору, и многие такие вещи под статью богов поместил, кои никогда славянами боготворимы не были; ибо разница есть между боготворить и между уважать или почитать. Леклерк к его догадкам и толкованиям прибавил свои, а к богам Славянским, Варяжским, Чудским, приложил Калмыцкие, Китайские и проч.

Бога Хорса производят они от глагола корчить не доказав подлинно ли слово сие есть Славянское или Русское;

ибо легко статься может, что тогдашними славянами, кои богу Хорсу поклонялися, оно вовсе неизвестно было, а вошло в русский язык после из других. Сколь ни странно такое производство, но Леклерк приняв его за дельное, новой смысл и определение к нему прилагает. По его толкованию, глагол корчить значит сократить, убавить... без сомнения не иное что как болезни. И так по смыслу нового сего определения стало быть Хорс Ескулапом, сиречь сократителем болезней. Нынешний же смысл глагола корчить совсем противное сказанному значит: у такого врача, которого лекарства людей корчат никто лечиться не станет. Мнение Татищева более вероятия имеет, что Хорс у Славян то же что Бахус у Римлян».

Надо заметить, что русские литераторы не были первоходцами в своих попытках на скорую руку воскресить языческих богов. В европейском масштабе мифология в это время менялась, переходя от классической греко-римской на национальную, что часто использовалось в живописи и литературе, особенно в поэзии. Получается, в XVIII веке многие европейские народы, осознавая себя единой нацией, принялись с замиранием сердца создавать собственную мифологию, среди славянских народов особенно преуспели чехи.

В европейской литературе, по мнению современных исследователей, появилась величайшая подделка. Поведаем о ней словами обманувшегося вместе со всеми Николая Карамзина:

«Оссиан был сын Каледонианского Царя Фингала и жил, по всей вероятности, в конце третьего и в начале четвертого века. Каледониане, обитатели северной Шотландии, имели почти безпрестанную войну или со своими соседями, или с Римлянами, и потому храбрость была у них первой добродетелью. Барды, Поэты тех времен, прославляли Фингала за его добродетель; и сколь славен был Фингал

между храбрыми, столь же славен был сын его, Оссиан, между певцами Каледонианскими. Некоторые из его песен дошли до самых наших времен; но они были бы и теперь нам неизвестны, если бы г. Макферсон, Шотландец, не обратил внимания на сии драгоценные остатки древней поэзии своего отечества. Собрав некоторые, издал он их на Английском языке в 1760 году. Все любители Поэзии почувствовали красоты Оссиановских песней. Макферсон, ободренный всеобщеею похвалою, собрал в Северной Шотландии, частию устных сказок, частию из рукописей – прочие творения сего Барда. Многие ученые мужи старались раздроблять красоты оных – издание следовало за изданием, и слава Оссианова скоро распространилась и в другие земли. Его перевели на немецкий, на итальянский и на французский язык».

Главной в мировой торговле в те времена была Англия – «царица морей», и первой же она стала в системе новой, уже национальной мифологии благодаря удачной мистификации Джеймса Макферсона. Следом появились и русские мифологические работы, также представляя собой момент перехода от общеевропейской мифологической системы к мифологии национальной.

***

Шел спор о славянских богах. М. Чулков среди славянских богов назвал и Чернобога (злой бог, которому приносили кровавые жертвы). Что же из этого вышло? М. И. Попов во втором издании своего «Описания древнего славенского языческого баснословия» прибавил к статье о Чернобоге следующее замечание:

«Некоторой немецкий издатель Краткого Баснословного Словаря и сего не хорошего Божка хотел было у нас оттягать, назвав его Цернебухом, и в то же время переводя, или

Черный Бог». Богов на все народы и племена явно не хватало. Их просто-напросто выдумывали, как ныне в фэнтези. Так, очевидно, придумал Чулков и богиню Зимцерлу, которая на долгий промежуток времени осталась в русской литературе.

Вот сводка показаний по Виктору Шкловскому, в которой видно, как обростала эта богиня атрибутами.

ЧУЛКОВ
1767

Зимцерла, Славенская богиня, владычествующая над началом дня. (Краткий мифологический лексикон. Стр. 42.)

ПОПОВ
1768

Зимцерла, богиня Киевская; какие ей качества приписывались, о том ничего неизвестно; разве изломанное ее название произвесть от имени Зима и глагола стереть, так назовется она Зимстерлою и будет походить на Аврору или Флору, богиню цветов. (Описание древнего языческого баснословия. Стр. 12.)

ЛЁВШИН
1780

Зимцерла, богиня зори или Славенская Аврора. (Русские сказки. Ч. I. Стр. 128.)

КАЙСАРОВ
1804–1807

Зимцерла. О сем божестве нам... мало известно. По одному словопроизводству утверждают, что она была богиня весны; потому что имя ее, говорят, составлено из слова зима и стереть. (Славянская мифология. Стр. 86.)

Зимстерла. Под сим именем предки наши почитали богиню весны и цветов. Она имела свои божницы, и праздники ее были в месяце Цветене (апреле): потому что в южных странах России с этого месяца начинается весна. Сия богиня хотя и скрывается иногда, но в свое время появляется снова в прежней своей молодости. Изображается она прекрасною девицею, одетою в легкое белое русское платье, подпоясанною поясом из роз, переплетенным золотом: на голове у нее из роз венки; в руках держала лилею, нюхает. Грудь ее вся открыта; на шее ожерелье из цикорий. Перевязь через плечо цветочная. Ей приносили в жертву цветы, кои собирая в ковшицы, поставляли перед ее кумиром, равно как и капище в ее праздники убиралось и усыпалось цветами... (Древняя религия славян. Стр. 106.)

Дальнейшая история новоявленной Зимцерлы состоит в том, что она попадает даже в пародию, в «Сцены из трагедии: Стенька Разин» Николая Полевого:

Берег Волги; вдали видна Астрахань. Два казака (один стоит с пикою, другой лежит подле дерева; подле него бутылка шампанского и два бокала).

Второй казак.

Как разостлался по полю туман!
Проходит ночь, и вот на небосклоне
Горит Зимцерла блеском золотым.

И сонная река проснулась. Вот
Летят певуньи-птички, соловей
Умолк в тени дубравы. Скоро
Перун ударил вестовой, – а ты
Все в думу погружен.

Слов нет. Занавес...

***

Михаил Попов в предуведомлении ко второму изданию «Краткого описания древнего славянского языческого баснословия» откровенно писал:

«Я не везде приводил в доказательство Авторов для того, что ни себя, ни читателя не хотел сим отяготить; ибо ученым и любопытным и без того они известны; а при том же сие сочинение сделано больше для увеселения читателей, нежели для важных исторических справок; и больше для Стихотворцев, нежели для Историков». Обращает на себя внимание, что старался Попов во благо русских поэтов. Знал бы он, во что всё это выльется...

Как известно, вновь чудесно «найденная» солдатским и купеческим сынами российская мифология попала на благодатную почву и была радостно принята стихотворцами. Ее широко использовали И. Богданович («Славяне»), М. Херасков («Бахариана»), Н. Карамзин («Илья Муромец»), А. Радищев («Бова»), Н. Радищев («Алеша Попович», «Чурила Пленкович»), Н. Львов («Добрыня»), Г. Державин («Добрыня», «Анакреонтические песни», «Обитель Добрады», «Царь-девица», «Новгородский волхв Злагор» и др.), А. Востоков («Светлана и Мстислав», «Певислад и Зора»).

Уже на системе только что созданной русской мифологии работает сочинитель «Русских сказок» Василий Лёв-

шин, развертывая имена в мифы. Следующим работником на этом мифологическом поле был Андрей Кайсаров, автор книги «Versuch einer Slavisch Mithologie, in alphabetischer ordnung», изданной в 1804 году в Гёттингене. Русский перевод этой книги вышел в Москве в 1807 году.

Приведем отрывок из «Вступления»:

«...В русских песнях находится много характеристического; на многих остался отпечаток седой древности; иные из них происходят, вероятно, из языческих времен, потому что в них упоминаются часто имена некоторых богов... Другой источник составляют простонародные сказки, из коих некоторые в самом деле басни, а другие небольшие рыцарские романы. Тут с патриотическим жаром повествуется деяния героев древности, и мрачными красками изображаются несчастья России под игом татар. Тем занимательнее для русской мифологии то, что в них нередко упоминается о древних божествах, чудесах, волшебницах и проч.

Долго переходили они только из одних уст в другие; но в справедливости их ручается единогласие, с каким тысячи людей их рассказывают. Наконец собрал их г. Новиков, которому российская история и словесность многим обязаны, и издал их в шести частях под заглавием: Славянские Сказки. Потом явилось еще другое собрание их, под именем Русских Сказок. Из них перевел некоторые Рихтер на немецкий язык в своих Русских отрывках (Russische Miszellen), хотя и вкратце и с некоторыми отступлениями.

Сии и многие другие сокровища долго уже скрываются, будучи написаны не à la Voltaire, или à la Sterne, но à la... что ж из того следует? – Что у Россианина в девятнадцатом веке нет еще совсем Российской истории!..»

Мы видим, что имя автора сказок В. Лёвшина не звучит. Далее Кайсаров, упомянув о «Словаре русских суеверий» Чулкова, резко критикует книгу Попова:

«Историки наши... упоминали... большею частью об одних только именах славянских богов. Между тем... издан был Словарь древнего русского суеверия; а наконец... г. Попов представил краткой чертеж славянской мифологии. Хотя этот чертеж так краток, что содержится только в двух печатных листах, однако ж в нем находится довольно пустого. Автор не упоминает даже об источниках, из которых он почерпал, считая это бесполезным делом».

Кайсаровская мифология уже мифология нового типа, национального. Но она же и переводная, потому что в этом национализме быть отдельным важнее, чем быть самостоятельным.

Неизвестный автор рецензии на первое, еще немецкое издание книги Кайсарова, считая, что «он сочинил нам прекрасный опыт славянской мифологии», упрекает его в незнании некоторых иностранных источников, а также в том, что вместо подлинных изображений славянских богов он поместил гравированные таблицы, заимствованные из книги Басвиля «Начала мифологии для пансионеров».

Работа А. Кайсарова не представляла собой явления исключительного. Так же работали немцы и чехи, которые широко пользовались в деле создания национальной мифологии различными подделками, находя якобы средневековые рукописи (например, известные Зеленогорская и Краледворская). Наивное образованное общество смотрело на это сквозь пальцы, даже настаивало на праве подделывать.

Профессор Дерптского университета Григорий Глинка в введении к книге «Древняя религия славян» (Митава, 1804) писал:

«...Описывая произведение фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, если при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях, буду

наполнять собственную поддревнюю статью фантазией. Правда, стершиеся или слияные места в древних картинах, подправленные новыми красками, хотя и на старинную статью, уменьшают цену картин; но лучше ли ничто, нежели что-либо? И не лучше ли Фидиасова Венера с подделанными во вкусе сего знаменитого древнего мастера руками и ногами, нежели когда осталось одно только ее туловище, и то может быть местами еще выбитое?.. Известно, что исправки или коррекции древних греческих и латинских писателей их учинили лучшими, но все ли исправки сделаны в попад на Авторово слово или мысль, и может быть иные не сделали ли под видом исправок рукописи, исправленным самого автора в словах и мыслях, за что бы он и сам в состоянии нашелся поблагодарить. – Я переселяюся в пространные разнообразные области фантазии древних славян, бродя по ним, стану собирать всецелые мечтательные идеи и малые их частицы и сии последние, сообразуясь их устройению, дополнять материалами сего же царства и по законам воображения или мечтания».

Автор упомянутой нами рецензии в «Северном вестнике» дает сравнительную оценку мифологических сочинений Глинки и Кайсарова:

«...Первая писана как роман; вторая как систематическая книга... Первая имеет слог стихотворный, неправдоподобный и читатель ни чему не верит. – Вторая имеет всю историческую важность – на нее можно везде полагаться. Первая... выписана из прежних наших кратких описаний Славянского Баснословия, всем уже известных, бесполезных и часто неосновательных. Вторая почерпнута из лучших источников, какие только можно было найти под руководством славного Шлецера, и открыты в путешествии по тем местам, где еще остались памятники сего Баснословия... Первый писал, может быть для дам, или для людей,

которые, кроме Попова и Абевеги, ничего не читали. Второй писал для людей ученых...»

На книгу Кайсарова ссылается в примечании к своей «старинной» повести «Предслава и Добрыня» (1810) К. Батюшков, которому также были известны и «Русские сказки» В. Лёвшина.

Правда, в начале XIX века была произведена некоторая чистка этой мифологии. Павел Строев в «Кратком обозрении мифологии славян российских» (М., 1815) писал:

«...Ети Услады, Купалы, Зимстерлы, Полели, Дашубы, Лады, Лели и проч... и проч... о коих столько до сих пор говорено было, существовали, кажется, в одном воображении повествовавших о них писателей. Они думали, что у славян непременно должно было быть ни больше ни меньше богов, сколько было их у греков и римлян и для того старались заменить вымышленными, на словопроизводстве основанными именами тех богов, о коих не находили никаких известий».

Эта поэтическая мифология кончается ныне почти забытым Александром Вельтманом, который в одном из примечаний к первой части своего романа «Кощей Бессмертный» (М., 1833) сообщает:

«В надежде скоро выдать Славянскую Мифологию, не распространяюсь здесь в описаниях старых богов» (стр. 296). Впрочем, его «Славянская мифология» так и не вышла.

Вся сказочность произведений Вельтмана основана на сказочности лёвшинских «Русских сказок», то есть на национализированном рыцарском романе.

Мифология в «Руслане и Людмиле» Александра Пушкина – тоже мифология второго ранга, непосредственно связанная с попыткой создать в XVIII веке «русскую» национальность. Упоминание русского духа в мифологических описаниях Пушкина декларативно и не являлось новостью для XVIII века.

Но на поле российского мифотворчества были и исключения. «Словарь русских суеверий» Михаила Чулкова находится несколько вне системы русской мифологии. В. Шкловский приводит о нем мнение академика А. Н. Пыпина:

«В 1782 г. Чулков издал «Словарь русских суеверий», который явился потом вторым дополненным изданием. Книга эта замечательна как первая чисто этнографическая попытка своего времени. Правда, между «русскими» суевериями большую долю книги занимают верования и обычаи всяких русских инородцев – татар, мордвы, чуваш, камчадалов и пр., о каких автор мог найти сведения в тогдашней литературе путешествий; правда также, что русская мифология излагается с разными прикрасами, какие считались в то время позволительными в изображениях «древности», но в то же время собрано и аккуратно описано много действительных народных обычаев. Цену этих описаний достаточно указать тем, что многими указаниями из «Абевеги» нашел возможным пользоваться ученый нашего времени Афанасьев в своих этнографических работах, и особенно в книге: «Поэтические воззрения славян на природу».

Получается, «Словарь русских суеверий» – книга уже не только по мифологии, а главным образом – по этнографии, что для того времени являлось новостью. Так, сведения о «суевериях» камчадалов заимствованы Чулковым из знаменитой, до сих пор не потерявшей своего значения книги Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Также использованы известные на то время обычаи киргизских, чувашских, лопарских, калмыцких народов.

В описание свадебных обрядов Чулков вставил «Смету во что обходится свадьба простолюдину». Смета очень подробная, отдельно сосчитаны расходы стороны невесты и стороны жениха. И всего, оказывается, свадьба стоила

33 рубля 20 копеек. Сумма денег по тому времени немалая, и, видимо, только богатые крестьяне могли позволить провести такую свадьбу своим детям.

Заканчивая главу о Чулкове и Попове размышлениями о созданной ими для национальной литературы «русской мифологии», добавим только, что ныне благие чудачества литераторов века Просвещения многими приняты уж больно серьезно... А нам, нынешним читателям и господам литераторам, будет полезно почаще обращаться к научным трудам, чтобы разобраться, где истина, а где всего лишь фантазия автора.

***

Подводя итоги первой части настоящей книги, можно сказать, что для развития русской литературы и, следовательно, всего русского общества, полузабытые творения белевского дворянина и двух Михайлов – Чулкова и Попова, – важны и до сих пор в какой-то мере интересны. Как писал известный фольклорист и литературовед М. К. Азадовский, «сборник Лёвшина пользовался огромной популярностью, затмил все прежние опыты в этом направлении, вроде чулковского “Пересмешника”, и послужил образцом для дальнейших подражаний».

Так-то так, но его затруднительно читать современному человеку, сплошь анахронизмы! «На дворе вовсю бушует XXI век, – скажет мне дотошный и терпеливый читатель, добравшийся до этой страницы, – это видно из вами же приведенных отрывков». Что ответить, есть ли что возразить? Отчасти согласимся, тексты наших стародавних писателей будут интересны для чтения любителям русской литературы, и, к примеру, лёвшинские произведения потихоньку выходят. Также могут пригодиться для написания сценариев мультфильмов,

комиксов (а почему бы и нет!) и создания на их основе всевозможных адаптаций.

Рассуждая о процессе формирования русской литературной сказки, известный специалист по русской литературе XVIII века Л. Курышева говорит, что новаторство Лёвшина состояло в том, что впервые в качестве литературного материала был использован былевой эпос. По замыслу Василия Алексеевича, повествование должно было объединить традиции национального фольклора (былины и сказки) и европейских жанров волшебного-рыцарского романа и новеллы. Пестрота состава его сборника, сочетание литературных и фольклорных традиций определили в настоящее время возникновение проблемы обозначения его жанровой специфики. Разница в подходах исследователей к решению этой проблемы обусловлена исходными позициями в вопросе источников Лёвшина. Одна из групп исследователей стремится к четкому обозначению жанровой принадлежности повестей сборника. Среди них ряд ученых относит повести к жанру литературной сказки, другие – к тому или иному жанровому подвиду романа, а также к истокам жанра фэнтези.

Историки фольклора рассматривают указанный сборник в ряду первых записей и публикаций памятников народного творчества, оценивая его повести с точки зрения близости к былинному и сказочному эпосу. Мнения этих исследователей сходятся в том, что В. Лёвшину, очевидно, была хорошо знакома устная народная поэзия, и он использовал в композиции отдельные былинные ситуации, а в стиле – традиционные выражения и приемы, однако связь повестей сборника с народным эпосом осталась чисто внешней; в целом они отмечают слабую связь лёвшинских повестей с русской народной сказкой.

Для нас, рассматривающих творчество авторов с позиций интереса к литературной сказке, важен вывод

фольклористов, что в сборнике Василия Лёвшина представлена «литературная сказка на основе фольклорной». Отмечая влияние западноевропейских литературных сказок, М. Н. Сперанский также определяет жанр повестей сборника Лёвшина как литературную сказку. Авторы работ по истории литературной сказки и некоторые исследователи прозы XVIII века – О. Л. Калашникова, О. И. Киреева, О. К. Герлован, О. Воеводина и О. И. Тиманова – придерживаются такого же взгляда на жанр повестей Лёвшина, признавая вместе с тем сложность и неоднозначность понятия «сказка» в XVIII веке, ее спаянность с жанром романа, в частности волшебного-рыцарского.

Л. Курышева указывает и другие мнения. Например, есть группа исследователей, которая отказывается от конкретных жанровых дефиниций и определяет специфику повестей о богатырях через характеристику типа повествования, созданного Чулковым, Поповым и Лёвшиным. Этот тип повествования назван исследователями «условно-исторической повествовательной прозой» (И. З. Серман), псевдоисторической беллетристикой» (В. П. Степанов).

Компромиссное мнение относительно жанрового тяготения повестей «Русских сказок» содержит статья И. А. Колесницкой, которая, анализируя состав русских сказочных сборников конца XVIII – начала XIX веков, пришла к выводу, что сборником Лёвшина было положено начало двум типам сборников: первый тяготеет к жанрам волшебного-рыцарского романа и литературной сказки, второй характеризуется близостью к народной сказке.

В сказках-романах М. Чулкова и В. Лёвшина заметно влияние лубочной книги. Так, в сказку о Силославе (глава 11 «Пересмешника») Чулков включает сюжет о Полкане и королевиче (принце) Бове, а в основе лубочной сказки о Бове, как известно, лежит французский роман о рыцаре

Бово д'Антоне. На Руси этот сюжет появляется не позднее XVI века и остается популярен, по меньшей мере, до конца XIX века. Другой популярный лубочный сюжет, использованный Чулковым в сказке о Силославе, – сюжет о Еруслане Лазаревиче. В его основе лежит история Рустема из персидской поэмы «Шах-Наме». В русскую рукописную традицию он попадает в средние века, а в XVII–XVIII веках сказка о Еруслане Лазаревиче становится одним из наиболее распространенных произведений русского лубка.

Делая выводы о русской литературной сказке того периода, скажем, что формировалась она в образованной, преимущественно дворянской, но отчасти в разночинной среде на основе не только народной сказки, но и всего фольклора. В период своего становления, т.е. начиная с 1760-х годов и до конца XVIII века, она испытывает заметное влияние французской литературной сказки XVII–XVIII веков, волшебного романа и русского лубка, былинного эпоса.

Часть II.

Деятнадцатое столетие

Глава 1. Сказочница из Мишенского

В первой трети XIX века на небосклоне русской литературы появилось немало талантливых произведений, созданных для различных категорий читателей, но вскоре оказавшихся в распоряжении детишек. Так, вся образованная Россия зачитывалась превосходными балладами В. А. Жуковского, литературными сказками А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского, А. Погорельского, юный П. П. Ершов блистал «Коньком-Горбунком». Но прошло немного време-

ни, и многие из них оказались в детской литературе, составив ее золотой запас.

С конца 20-х – начала 30-х годов начинается новый этап развития русской детской литературы. В это же время появляются и первые профессиональные детские писатели – А. П. Зонтаг, Л. А. Ярцова, В. П. Бурнашев, П. Р. Фурман, А. О. Ишимова и другие. Их произведения для детей как выпускаются отдельными книгами, так и печатаются на страницах детских журналов...

Анна Петровна Зонтаг. За ее плечами сорок лет почти непрерывного литературного творчества, фактически целиком посвященного детям, двадцать томов литературного наследства и более ста произведений о детях и для детей. Ее книги пользовались успехом в разных слоях общества от императорской фамилии до грамотных крестьянских детей и издавались до конца XIX века. Революционные события XX века в России с его воинствующим безбожием, попытками отказаться от института семьи, от сказки и от полученного в наследство от ушедших поколений культурного багажа (20–30-е годы) сделали имя писательницы практически не известным современным читателям. Несказанно радуется то, что постепенно имя А. П. Зонтаг возвращается в культурное поле нашей страны, о ней появляются статьи и научные исследования, время от времени публикуются ее литературные произведения.

***

Недалеко от уже известного нам города Белёва Тульской губернии, в холмистой долине неспешной Оки, в селе Мишенское, известном нам как родина замечательного поэта В. А. Жуковского, в самую летнюю жару среди садов с поспевающими яблоками 15 июля 1786 года родилась будущая детская писательница Анна Петровна Юшкова,

в замужестве Зонтаг, под этой фамилией она и вошла в детскую литературу. По материнской линии она происходила из известного рода Буниных, подарившего русской культуре и науке немало славных имен (первая русская поэтесса А. П. Бунина, В. А. Жуковский, литературные деятели середины XIX века братья И. В. и П. В. Киреевские, известный ученый П. П. Семенов-Тянь-Шанский, писатель – нобелевский лауреат И. А. Бунин). По отцу Анна происходила из древнего боярского рода Юшковых.

Мать девочки, Варвара Афанасьевна, жила в имении своих родителей – Афанасия Ивановича Бунина и Марии Григорьевны Безобразовой. Рождение писательницы связано с курьезным случаем. Будучи на сносях, Варвара Афанасьевна вместе с родственниками поехала в Москву, но поездка не удалась: уже в тридцати верстах от имения начались схватки и в придорожном сарае раньше срока она родила девочку, которую и назвали Анной.

До восьми лет девочка воспитывалась вместе с Василием Жуковским, которому приводилась племянницей. Будущий поэт был старше ее всего на три года. Дети быстро подружились, тем более Варвара Афанасьевна очень любила маленького брата и стала его крестной матерью, а уже будучи замужем, фактически приняла его в свою семью. Вместе со своим мужем Петром Николаевичем Юшковым, кстати, близко знавшим книгоиздателя Н. И. Новикова, заботилась об образовании единокровного брата Василия. Все это впоследствии позволило Василию Андреевичу называть Анну одноколыбельницей, а Варвару Юшкову – хранительницей своего детства.

***

Из купеческого Белёва в сторону Болхова и дальше на юг через Орёл идет старинный тракт. За городом раскинулись

поля и деревни, остатки когда-то дремучих лесов, и ныне от них остались только небольшие заповедные пущи. Вот, например, такой Васькин лес встречал гостей по дороге в Мишенское. Там, на Васькиной горе, как рассказывает местное предание, прятался самый прославленный в здешних краях разбойник и душегуб Васька Кудеяр.

Деревянный помещичий дом был просторный, со светлыми горницами и портретами предков на стенах, выходцев из Польши, рыцарей Буникевских. С утра до ночи суэта: то прислуга готовит хлебосольный обед, к которому частенько съезжаются соседи, – Лёвшины из Темряни, Черкасовы; то горничная подает чай, а за столом ведутся разговоры о судьбах страны и нынешнего урожая, о ценах на хлеб и телятину, о литературе. Всё это маленькая Анна и Василий впитывают как губка.

Неизвестно, был ли ее дедушка любителем чтения, но вот бабушка, не знавшая иностранных языков, не жалея денег выписывала из обеих столиц чуть ли не все издания на русском языке. Она обожала как переводные издания, так и творения отечественных стихотворцев – Ломоносова, Сумарокова, Державина. В Мишенском собралась громадная библиотека из русских книг, где были и все тома, изданные типографией Н.Новикова. Видимо, бабушке Анны, Марье Григорьевне, и ее родителям мы обязаны тягой девочки, да и Василия Жуковского, к литературе.

***

В 1790 году семья Юшковых переехала в Тулу, куда перевели на службу дедушку Анны – Афанасия Ивановича Бунина. Городская жизнь губернского города отличалась от размеренного, тихого быта деревни. Очень скоро дом семейства Юшковых в Туле стал одним из центров интеллектуальной жизни города. Здесь звучала музыка, спорили

о политике, обсуждали литературные новинки. Мать девочки – Варвара Афанасьевна – хорошо музицировала и слыла завзятой театралкой. Эту любовь она привила и трем своим дочерям (одна из них – Авдотья Петровна, впоследствии мать известных славянофилов братьев Киреевских и хозяйка известного литературного салона в Москве). Сами Юшковы ставили любительские спектакли, в которых постоянно участвовал и Жуковский. Анна же была не только талантливой актрисой, но и неплохо рисовала. Детям разрешалось присутствовать на репетициях, а в 1795 году по пьесе Василия Жуковского была поставлена трагедия, где участвовали все дети Юшковых.

После смерти матери в возрасте 28 лет от чахотки в 1797 году Анна с отцом и тремя сестрами поселилась у бабушки – Марии Григорьевны Буниной. Лето проводили в Мишенском, а на зиму приезжали в Москву. Воспитанием младших Юшковых занялась Екатерина Афанасьевна Протасова, их тетка (в ее дочь Марию был влюблен Жуковский), заменив девочкам мать. Как принято в дворянской среде, девочки изучали иностранные и русский языки, арифметику, историю и географию, знакомились с литературными новинками, для чего был приглашен строгий учитель Покровский. После занятий детям давалась полная свобода: один миг, и в комнатах или на улице поднимались шумные игры.

На лето в Мишенское из московского Благородного пансиона приезжал Василий Жуковский, и тогда учебные занятия словесностью становились особенно интересными: поэт уделял много времени и сил преподаванию, став для учениц и хорошим товарищем. Девочки пробовали переводить романы популярной в те годы французской писательницы С. Ф. Жанлис и драмы А. Коцебу, с восторгом читали произведения Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. К 1800-м годам относятся и первые пробы пера Анны Пе-

тровны. Но по-настоящему она занялась литературным трудом только после 1815 года. В этом родственнице также помог Жуковский, ставший на долгие годы ее духовным отцом и учителем. Поэт, чьими стихами восторгалась вся образованная Россия, становится литературным наставником Анны.

Жуковского в те годы горячо интересовали вопросы воспитания детей. В 1817 году он был назначен учителем русского языка будущей императрицы Александры Федоровны, супруги великого князя Николая Павловича (впоследствии – император Николай I). Среди его учеников были великая княгиня Елена Павловна (супруга великого князя Михаила Павловича), будущий император Александр II, дочери Николая I – Ольга и Мария.

Подготовка к занятиям требовала отдачи всех сил. Жуковский привычно много читает. Его интересует не только литература и язык, но и география, история и даже арифметика. Он составляет планы обучения своих августейших подопечных. В занятиях отрабатывалась педагогическая практика поэта, в том числе обдумывались проблемы постановки школьного образования в России. Поэт понимал, что срочно требуется детская литература, написанная понятным и доступным языком. А юного читателя в то время, конечно, интересовали сказки, истории из жизни простого народа, рассказы о природе, путешествиях, жизни далеких народов, но особенно прошлое России. Страна ведь только-только одолела Наполеона, русскими войсками был взят Париж и теперь победители возвращались из заграничного похода. В образованном обществе царил небывалый духовный подъем, любовь ко всему французскому наконец-то отошла на второй план и во всех условиях проявился жгучий интерес к народной культуре...

Жуковскому требовались помощники, и он обращается к своим близким – друзьям детства. «Я давно придумал для

вас всех работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания? Это значит заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь! Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимание», – взывал поэт в письме к Анне Петровне в 1816 году.

Поэтика русского фольклора являла собой богатейшее духовное начало народа – народа-героя, победителя Наполеона. Это прекрасно понимал Василий Андреевич, глубоко ценивший богатые традиции устного народного творчества. А уважать прошлое своего народа, учиться доброте должны все. Начинать это обучение нужно с самых маленьких. Если ребенок станет любить свою родину, любить людей, значит, из него вырастет хороший человек и гражданин. Для детей следовало создавать хорошие книги, призывающие к доброте и послушанию, рассказывающие обо всем, что их интересует, будь то сказка, рассказ об увлекательном путешествии или о жизни такого же ребенка, как и сам юный читатель. Жуковский подбирает для Анны Юшковой подходящие книги, советует, подсказывает, на что обратить внимание и как писать. И девушка внимательно следует советам своего наставника.

***

В январе 1817 года Анна выходит замуж за лейтенанта черноморского флота Егора Васильевича Зонтага. Фигура этого незаурядного и обаятельного человека настолько интересна, что нельзя не представить его читателю. Е. В. Зонтаг родился в Филадельфии (США). В 1811 году он поступил на службу в русский флот. А когда в 1812 году армия Наполеона вторглась в Россию, он перешел в сухопутную армию. Заграничную кампанию 1813–1814 годов

он провел в составе Дерптского конно-егерского полка, а с 1816 года Егор Васильевич вновь на флоте. В 1828–1830 годах он служит капитаном порта в Одессе и инспектором городской карантинной конторы. Оставив морскую службу в 1830 году, Зонтаг проживал с семьей в Одессе до своей смерти, наступившей в 1841 году.

Брак Анны Петровны оказался на редкость счастливым. Егор Васильевич, образованный и умный человек, понимал увлечение жены литературой, помогал в ее занятиях, подсказывая сюжеты или редактируя переводы. Американец пришелся по душе и В. А. Жуковскому. В письмах Анне Петровне поэт всегда с глубоким уважением вспоминал и о «милом Зонтаге». А встречи Жуковского с другом детства Аннет становились всё реже, потому что он живет в Петербурге, а супруги – почти безвыездно на юге России: то в Одессе, то в Крыму и в Николаеве, и только переписка связывает их. Зонтаг доверяла письмам самое сокровенное, советовалась в выборе тем для своей литературной деятельности. Поэт направлял ее интересы, подсказывал, к каким изданиям стоит обратиться при работе над тем или иным сочинением.

Вокруг семьи писательницы не было диких просторов, ведь тогда Одесса была культурным центром южной части империи. Здесь чувствовалась близость беспокойной Европы, было много иностранцев. Супруги Зонтаг входили в круг близких знакомых генерал-губернатора М. С. Воронцова и его жены. Посещали они и местный литературный салон жены таврического губернатора В. Д. Казначеевой, где собирались чиновники и литераторы и среди них В. И. Туманский, Н. И. Гнедич, С. Е. Раич, Ф. Ф. Вигель и, конечно, сосланный на юг А. С. Пушкин. Анна Петровна не замкнулась в семейном и литературном кругу, ее интересовали все события, происходившие как в России, так и за рубежом.

Вернемся к литературе. Анна Зонтаг с интересом взялась за предложенную Жуковским работу. Много читала, писала, переводила. В начале 1820-х годов несколько небольших ее переводов вышло под редакцией поэта в журнале «Вестник Европы». Но далеко не всё удалось издать. До сего дня сохранилась рукопись переведенной ею в те годы фантастической повести анонимного автора «Гость-мертвец».

Первой большой работой Анны Петровны принято считать перевод «Эдинбургской темницы» Вальтера Скотта. Основой послужило одно из французских изданий этого произведения. Критика отметила, что перевод романа «очень хорош». Начало было положено. Но Жуковский всё просил об изданиях, которые непременно могли бы войти в постоянный круг детского чтения. И опять начались поиски отечественных и зарубежных источников, и следом кропотливая работа над рукописями, их внимательный просмотр и исправление, отработка слога. Считалось, что юному читателю нужны небольшие повести или рассказы, написанные легко и доступно.

Как всегда, книгами и добрыми советами помогает Жуковский. Он уже познакомился с ее первыми опытами на этой стезе и уверяет своих знакомых, что Анна Зонтаг – прирожденная детская писательница. В конце концов ее прямая обязанность перед обществом поделиться, как матери (в 1824 году у Анны Петровны родилась дочь), опытом воспитания с другими родителями, и лучше всего это сделать с помощью книг. Вот что он писал ей:

«У вас много в душе богатства, в уме ясности и опытности; вы имеете решительный дар писать и овладели русским языком... Как умная мать, которая знает свое ремесло, ибо выучена ему любящим сердцем, здравым умом и опытом, пишите о том, что знаете сами в науке воспи-

тания: теперь – просто повести, а со временем соберите в одну систему и правила, коим сами следовали. Передайте свою тайну другим матерям: поле, которое можете обработать, неограниченно и неистощимо. Для распространения и приведения в порядок мыслей своих загляните в лучшие книги воспитания и нравственной философии, а потом бросьте их и пишите свое. Вы не обманетесь и не обманете других, ибо напишете свое, взятое из существенной жизни и только обдуманное простым умом, не отуманенным предрассудками и умствованием...»

И, вняв, А. П. Зонтаг старалась следовать этим советам всю свою жизнь. Воспитанная на христианских идеалах семьи и любви матери к ребенку, эти идеи она и стала трансформировать в своем творчестве. Вдобавок все произведения для детей перед публикацией писательница читала детям, проверяя на них всё новое. Зонтаг транслировала женский взгляд на литературу, в том числе детскую, следуя заветам Жуковского. СобираТЕЛЬНЫЙ образ матери, идеальной матери-наставницы ясно виден в ее детских произведениях, в том числе и в воспоминаниях о В. А. Жуковском, оттого чувствуется, что они явно приукрашены и в них сглажены острые углы. Следует согласиться с мнением современной исследовательницы творчества Зонтаг – О. В. Кирьяновой, на чью статью «Феномен “писательницы для детей”: А. П. Зонтаг (Юшкова) – личность и литературное творчество» (2008) мы во многом опираемся в своем очерке, что духовное пространство «нравственной матери», лелеющее душу ребенка, Анна Петровна мыслила в координатах православия и русской литературы, в которой определяющими эстетическими и этическими ценностями для нее были произведения Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковского и Пушкина.

В начале 1830-х годов издаются первые книги Анны Зонтаг, предназначенные как для детей, так и для взрослых. Среди них – небольшие повести, рассказы и авторизованные сказки (Девушка-Березница: сказка для детей; Слуга и господин: сказка; Одесский альманах на 1831 год; Повести и сказки для детей. СПб., 1832–1834; Детский рассказчик. М., 1834 и др.). Их основу составляли собственные произведения писательницы и переводы из произведений французских, немецких и английских авторов – И. Г. Кампе, Ф. П. Гизо, П. Бланшара, А. Беркена, А. Бертена.

Остановимся на первом собственно авторском произведении Анны Петровны «Девушка-Березница», которая вышла отдельным изданием в Одессе в 1830 году. Оно, кстати, тоже имеет зарубежный источник – это перевод с немецкого языка. Под пером талантливой писательницы данная сказка, как, впрочем, и другие детские произведения, приобретает оригинальное звучание и небольшой национальный колорит – в тексте показаны русские обряды, употреблены слова из народной речи, бытовые зарисовки, символика, легко узнаваемые среднерусские пейзажи. Конечно, внимательный читатель сразу приметит отличия произведения от традиционных русских народных сказок, но не станем забывать, что в это время только формируется жанр литературной сказки. Так вот уже начало сказки необычно – угольщик с женой живут в глуши и озадачены, как бы им крестить единственную дочь. Совершить обряд им соглашается монах-отшельник, но вот проблема – некого позвать в крестные. По дороге к монаху угольщик встречает прекрасную девушку «в одежде белой, как снег», с зеленым покрывалом на голове. Здесь очень интересно зрительное восприятие данной сцены – чумазый угольщик, закопченный, пропахший дымом (уголь жгли в лесу в ямах,

и рабочие, находясь в дыму, постоянно следили за этим непростым процессом), и девица в ярко-белых одеждах с зеленым покрывалом. Чем вам не лесной ангел, выводящий заблудшую душу из леса на правильный путь?

Так вот, чудесная Девица-Березница сама предлагает стать крестной матерью новорожденной. В конце концов отец соглашается, и девица дарит своей крестнице скромные подарки – березовый крестик, крестильную рубашечку, шапочку, простынку и вместо серебряной ложечки березовую. Когда уже подросшую единственную дочку избаловали родители, крестная принесла еще один подарок – березовые ветки (розги). И когда непослушная Бетула начинает плохо себя вести, капризничает, оскорбляет родителей, прутик сам собой начинает ее шлепать, а родителей – по рукам, если они этому препятствуют. Воспитательный эффект очевиден: из ребенка вырастает прекрасная дочь, а также наказаны и родители, потакающие детям, тем самым растя из них безнравственных созданий.

Трудно отыскать подобный сюжет в мировом, в том числе в русском, фольклоре. В сказке легко увидеть отсылки к западноевропейской сказке «Золушка», ведь по всей стране князь разыскивает стряпуху, умеющую приготовить лакомство, которое он отведал в хижине угольщика. Только Бетула (на латыни – береза) справилась с этой задачей, явившись во дворец, по совету крестной, в скромном (у автора – в дурном) платье, но после приготовления каравая она переодевается в роскошное белое платье, переданное ей Девицей-Березницей, что очень похоже на традиционное сказочное преобразование главного героя, часто после кульминации меняющего свой облик. Князь сражен наповал красотой и мастерством простой девушки и, безусловно, женится на ней. Традиционные сказочные приемы и мотивы смело переплетаются с авторскими находками и просветительскими идеями XVIII–XIX веков. Повество-

вание неторопливо, изложено простым языком, который даже сейчас, несмотря на прошедшие почти два века, кажется разговорным, правда, устаревшие слова и обороты несколько затрудняют чтение современным читателям, но в целом необычный сюжет интересен. Зато нравоучительности и дидактики – хоть отбавляй, потому не стоит удивляться, что молодой В. Г. Белинский очень сильно сердился на пожилую Зонтаг. Кстати, розги писательница еще раз использует в другой сказке, которая так и называется «Кнутик в мешочке».

***

Говоря о вкладе Анны Петровны в создание и разработку русской литературной сказки, отметим вместе с современными исследователями, что писательница стремилась познакомить русского читателя с лучшими произведениями мировой сказочной культуры и составить из них доступный корпус детского чтения.

Несколько раз писательница предпринимает попытки создать литературные сказки в русском духе, например: «Девушка-Березница», «Кнутик в мешочке», «Господин и слуга». Как отмечалось выше, в них мы находим лишь фрагменты стилизации в народном духе, пусть робкую, но всё же ясную попытку создать русскую «мужицкую» сказку. И всё равно даже неискушенному читателю ясно видна западноевропейская основа, на которой созданы эти произведения.

В своих сказках Зонтаг не скрывает педагогические функции, тем самым определяя специфику жанра. Во главу угла ставится педагогическая задача воспитания ребенка в христианской семье. Писательница переделывала сказки, которые она брала за основу для своих произведений, как она считала, кажущиеся грустными для детей, также отка-

зывалась от решения каких-либо социальных задач, останавливаясь на семейно-бытовых отношениях. Данное обстоятельство не свойственно народным сказкам.

Несколько произведений имеет выраженные сатирические оттенки, также подчиненные воспитательным целям: «Господин и слуга», «Карлик со скрипкою», «Кнутик в мешочке», «Волшебница», «Рауль Синяя борода», «Спящая красавица».

Сказки Анны Петровны в первую очередь адресованы детям в отличие от сказок А. Пушкина и других авторов того времени, которые, безусловно, обращались ко взрослой аудитории и попали в детскую гораздо позже. Потому-то она скрупулезно относится к возрастным особенностям своих читателей и старается всё излагать сообразно детскому восприятию. В своих произведениях Зонтаг постоянно показывает связь между поступками героев в детстве и дальнейшей взрослой жизнью ребенка, что достаточно редко встречается в литературных сказках. Использует писательница как положительных, так и отрицательных героев, усиливая на противопоставлении моральную линию.

Сюжеты в сказках Зонтаг всегда достаточно понятны и прозрачны, излишне прямолинейны, учитывая возраст, для которого писались произведения, как и отношения, о которых она повествует. Мораль часто вытекает из самого конфликта. Она стремится рационализировать сюжетный вымысел, сделать повествование былью. У нее отсутствует вымышленный рассказчик (кроме переводов из Вильгельма Гауфа). Сказочница рассказывает от третьего лица и открыто высказывает свою позицию в небольших послесловиях для читателей, где повествует, чем закончилась история для каждого персонажа, иногда об этом говорит персонаж.

Речь повествовательницы и рассказчиков отличается выверенностью литературной нормы того времени, хотя

в ней и проскальзывают народные выражения, впрочем, отличающиеся изяществом. К сожалению, некоторые слова будут не понятны современному читателю и потребуют специального разъяснения или адаптации – «кóты» (женская обувь) или «полика» (оплечник рубашки).

Писательница смело использует образы и постоянные эпитеты из русских народных сказок – «избушка на курьих лапках, на гусяных пятках», «званные гости» («Кнутик в мешочке»); «куда глаза глядят» («Братец и сестрица»). Также заимствует фабулы сказок, правда, используя и переделывая их по своему усмотрению. Характерна в этом плане сказка «Братец и сестрица», напоминающая народную сказку «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», с несомненным влиянием европейских сказок о Белоснежке. Очень осторожно в своих сказках использует Зонтаг волшебных помощников и волшебные предметы.

Еще одна особенность творчества писательницы: при публикации произведений она впервые разделила детскую литературу на три возраста. Данным делением мы пользуемся до сих пор.

Волшебная сказка – форма, в которой работала Зонтаг, – выступает своеобразным «пражанром» для волшебного-романтической и сатирико-аллегорической сказок, главные функции которых – нравоописательная и дидактическая. Творческая история сказок Зонтаг свидетельствует о том, что русская литературная сказка сформировалась на основе переложения русской народной и западноевропейской и восточной фольклорной и литературной сказки XVIII–XIX веков.

***

Разнообразие в запасниках у писательницы достаточно сентиментальных сюжетов содержало четко выраженную

идею – «мораль» – читающему или слушающему ребенку внушалась мысль о постоянной необходимости хороших поступков и вообще примерного поведения. Послушание и добрые деяния всегда вознаграждаются судьбой, а проступки, плохое поведение наказываются. Таково, например, ее самое популярное сочинение тех лет «Повести и сказки для детей», состоящее из трех частей (книга была издана А. Ф. Смирдиным). В этот комплект входили небольшие дидактические рассказы, повести, сказки. Некоторые, предназначенные для самых маленьких, были невелики – рассказ или сказка вполне умещались на двух-трех страницах. Этим Анна Петровна, как автор-педагог, преследовала определенную цель – не перегружать память детей, дать возможность запомнить почти дословно всё прочитанное или услышанное. Уже первый рассказ – «Всякий должен работать» – в своем заголовке нес четко выраженную мысль о постоянной необходимости труда в человеческой жизни («жизнь – это труд»). Героиня другого повествования «Софьянка» пошла с няней, чтобы купить себе живую птичку. Но по дороге им повстречалась бедная женщина с детьми. Девочка отдает неимущим свой завтрак и деньги. Мать, узнав об этом поступке, награждает Софьянку: она получает любимое блюдо и птичку в подарок. Мораль чересчур проста и даже рискованна, но понятна ребенку – добрый поступок скоро вознаграждается.

Особенно нравилась читателям повесть «Оленька и бабушка ее Назарьевна», рассказывающая о судьбе доброй девушки-подкидыша и об удочерившей ее бедной вдове. Сюжет ее Анне Петровне, рано оставшейся без матери, был навеян воспоминаниями о детстве, проведенном в Белёве. Об этом упоминал литератор П. А. Плетнев в одном из своих писем к Жуковскому. Несомненно, «Оленька» – лучшая из повестей, напечатанных в книге. Здесь с неподдельной искренностью изображается жизнь небольшого уездно-

го городка той поры, показывается, что ребенок, оказавшийся в беде, не брошен, ему приходят на помощь. Поиск истины, выхода из сложных ситуаций, куда угодил главный герой, изменение характеров героев – всё это делает сюжеты занимательными. Главная идея творчества Анны Петровны – будь счастлив счастьем близкого человека. Эта мысль была близка и В. А. Жуковскому, и в кругах, в которых вращалась писательница. Разве не актуален лозунг для нашей современности, погрязшей в индивидуализме, угрожающем не только человечеству, но и существованию всей планеты?

На первый план Зонтаг выдвигает одну из главных ценностей семьи, которая остается весьма злободневной и в наше время, – это внутрисемейное общение, моральная поддержка друг друга. В основе ее сюжетов лежат ситуации морально-этического выбора, в котором могут оказаться как герои, так и читатель. Обращается писательница и к восточным сюжетам, заимствованным, без сомнения, из европейских источников (арабские сказки «Туфли» и «Три друга», персидская «Узы любви»), вводя их в мир русской культуры. Переводом с английского языка повести «Три мальчика» дебютировала в книге восьмилетняя дочь Анны Петровны – Маша.

Очень скоро «Повести и сказки для детей» стали популярным и необходимым чтением во многих семьях. Хорошо иллюстрированное сочинение (среди картинок были и цветные), несложные тексты которого содержали выделенные курсивом (так лучше запоминалось детям) «добродетельные» истины, как нельзя лучше отвечало педагогическим исканиям родителей той эпохи.

Из оригинальных произведений А. П. Зонтаг, предназначенных для детей, нельзя не упомянуть и двухтомную «Священную историю для детей» (СПб., 1837). Много труда было затрачено на эту работу. Но результат превзошел

все ожидания. Книга была издана большим тиражом и сразу же завоевала огромную популярность. Неоднократно переиздавалась (последнее, 9-е издание вышло в 1871 году), что приносило постоянно нуждающемуся автору немалый доход. Написанная доступным языком книга знакомила детей со всеми сложными перипетиями «священной истории», изложенной в Библии. Через два года после выхода в свет первого издания «Священной истории» Зонтаг получила половинную (малую) Демидовскую премию, присуждаемую Академией наук.

Также большим спросом у читателя пользовались «Три комедии для детей» (СПб., 1842) – иллюстрированная прекрасными цветными гравюрами книга. Сюжеты двух первых комедий – «Подарок на Новый год» и «День рождения» – проникнуты особой религиозностью и заимствованы, вероятно, из произведений французского историка-писателя Ф. П. Гизо и английской писательницы-педагога М. Эджуорд. Третья комедия – «Вексель» – сочинена самой Анной Зонтаг.

Произведения Зонтаг пронизаны человечностью, к необходимости которой в поведении каждого пытается склонить своих маленьких читателей писательница, разрушив в них презрительное отношение к простолюдинам, а в итоге – к своим крепостным.

***

Много лет собирала Анна Петровна сказки. Жуковский предложил ей составить несколько сборников, куда бы вошли не только русские, но и зарубежные сказки.хлопоты по изданию этой антологии взял на себя П. А. Плетнёв. Основным источником послужили, конечно, ранее изданные сборники. Ими активно пользовались авторы, писавшие сказки в 30-х годах. В это время всё активнее и ак-

тивнее некоторые из литераторов и ученых – В. И. Даль, А. С. Пушкин, М. А. Максимович, П. В. Киреевский – собирали народные сказки, услышанные от крестьян, записывали тексты. Анна Петровна, к сожалению, не могла последовать их примеру: был тяжело болен муж, на поездки в Центральную Россию для сбора материала не хватало средств. Мишенское приносило мало дохода, а часто, наоборот, требовало вложения собственных средств. Неурожай 1840 года в центральных губерниях России вызвал голод. Ей пришлось посылать деньги в имение, «чтобы кормить мужиков и покупать семена для обсеваения полей». Улучшить материальное положение семьи Зонтаг могло только издание сборников сказок.

Из Петербурга Анне Петровне посылают книги – сказки, предания, легенды. Однако не всё подходит. Писательница пишет в столицу, что тексты некоторых изданий «не пахнут ни древностью, ни народностью». Вероятно, Плетнёв посылал Анне Петровне литературные подделки литераторов, писавших и издававшихся на потребу демократического читателя – низшего чиновничества, купцов, мещан, грамотных крестьян, не отличавшихся высоким и притязательным вкусом. Особенно интересовало Зонтаг уже ставшее редкостью собрание ее земляка и соседа В. А. Лёвшина «Русские сказки», изданное в 1780–1783 годах известным просветителем Н. И. Новиковым. И вот из Петербурга прибывают просимые ею все десять томов. Круг замкнулся: лёвшинское собрание – основа написанных Анной Зонтаг двенадцати русских сказок. Среди их героев – богатыри Добрыня Никитич и Василий Буслаевич, Илья Муромец и Алеша Попович, богатый новгородский купец Садко и страшная Баба-яга. Из зарубежных сказок, предложенных для антологии, известна одна, в основе которой была индейская легенда о происхождении женщины. Это «Американка». Анну Петровну познакомил с ней муж Е. В. Зонтаг.

Но, к сожалению, издать полностью готовую антологию не удалось. Издатель и книгопродавец недорогих книг для народа А. Ф. Смирдин, который вначале положительно отнесся к публикации сказок Зонтаг, после подготовки в 1840 году первого тома отказался печатать его у себя. Это было вызвано значительными финансовыми затруднениями его книгоиздательской фирмы. Также неудачей завершилась ее работа над переводом и составлением для детей сборника сказок «Тысяча и одна ночь», которую писательница вела вместе с сестрой А. П. Киреевской-Елагиной. Узнав, что в 1839 году в Петербурге уже вышел такой сборник, Зонтаг прекратила свои занятия. Обратиться к восточным сказкам предложил Жуковский, сам работавший над поэмами «Наль и Дамянти» и «Рустам и Зораб». Поэту очень хотелось, чтобы эти переводы восточной литературы были восприняты русским читателем как современное чтение. Восточная тема не исчерпалась неудачей со сказками «Тысяча и одна ночь». Среди написанных Зонтаг для детей повестей, сказок, легенд имеется несколько восточных: «Видение мурзы» (Одесский альманах на 1839 год), «Мудрый судья» и «Наказанная скупость» (Новые повести для детей. СПб., 1847); перевод сказок Вильгельма Гауфа – «Похождения маленького Мука», «Калиф-Аист», «Мустафа», «Купец Целенхое» и другие (Сказки в виде Альманаха на Светлое воскресенье 1844 года. М.).

Издательские неприятности 1839–1840 годов не единственное испытание, которое ждало Анну Петровну Зонтаг. Тяжелый удар обрушивается на нее в 1841 году – умирает Егор Васильевич. А через год из России уезжает дочь Маша, вышедшая замуж за австрийского консула в Одессе Гутманстала. Счастливая семейная жизнь кончилась, Анна Зонтаг остается в одиночестве. Но надо как-то дальше жить, и она, не сломленная, продолжает работать.

***

В 40-е годы в критических рецензиях появляется новый, чуждый прежде детской литературе подход, когда рецензенты пытаются определить, в какой степени оригинальна та или иная детская книга. Видимо, в это время в литературе происходило размежевание оригинальных авторских текстов и переводных, долгая эпоха часто анонимных пересказов уходит в прошлое. Сама по себе идея приличная, следовало наконец-то начать отрываться от материнского лона европейской литературы и сотворить что-то свое. Одной из первых жертв подобного рода разграничений оказалась Анна Петровна. Так, журнал «Москвитянин» упрекнул ее в том, что она якобы под своим именем издавала французскую повесть. Конечно, писательница отвергла факты присвоения чужого произведения. Также следует учесть, что начиная с 30-х годов популярность литературной сказки у читателей падает ввиду того что, как тогда считалось, она мешает развитию ребенка, и предпочтение отдавалось повестям познавательного или описательного характера. Волшебные силы представлялись надуманными и, следовательно, вредными. Только в 50-е годы XIX века литературная сказка будет вновь реабилитирована...

***

После смерти мужа Анна Петровна живет на скромную пенсию. Денег не хватает, имение почти не приносит доходов, одна надежда на издание новых сочинений и переиздание старых. «Бедная моя литература! Она для меня есть не что иное, как нужда», – откровенно пишет она Плетнёву. Лишь второе (1841) и третье (1843) издания «Священной истории» и публикация в 1842 году «Трех комедий для детей» на некоторое время поправляют ее фи-

нансовое положение. В 1844 году писательница покидает Одессу и возвращается в родное Мишенское. В деревенской тиши продолжает она свою работу. Иногда выезжает в Москву проведать родных или договориться с издателями о публикации книг. Здесь Анна Петровна знакомится с А. О. Ишимовой. Зонтаг давно известно это имя, она с симпатией следит за писательской деятельностью издательницы детского журнала «Звёздочка». Анна Петровна и сама пыталась организовать периодическое издание для детей, но дело расстроилось. Теперь «мишенская затворница» будет постоянной сотрудницей журнала Ишимовой, публикуя здесь переводы сказок и повестей.

Как и прежде, ее единственная опора в литературе и в жизни – дружба с В. А. Жуковским. Семейные обстоятельства поэта сложились так, что после женитьбы (в 1842 году) он почти безвыездно жил в Германии. В своих письмах в Мишенское Жуковский всё чаще вспоминает детство и юность. Он восхищен цепкой памятью Анны Петровны: она помнит многое из уже далекого прошлого. Поэт настаивает, чтобы Аннет села за семейные воспоминания, посылает наброски своих мемуаров, торопит: «Скорее, скорее возьмитесь за перо, и вы возвратите себе и мне наше прошедшее». И Зонтаг, поддавшись многочисленным уговорам, наконец-то садится за эту работу. Так появился «Рассказ о Жуковском», в котором описан эпизод из дерптского периода жизни поэта, затем – «Воспоминания о детстве Жуковского», напечатанные в «Москвитяине» по случаю 50-летнего юбилея его литературной деятельности (1849). Впоследствии эти рассказы послужат важным источником для исследователей творческой биографии В. А. Жуковского.

В переписке Анну Петровну интересует всё: как живет Жуковскому, обрел ли он наконец счастье, над чем работает. В апреле 1852 года долгую переписку, тянувшую

ся всю жизнь, прервала смерть В. А. Жуковского. Анна Петровна передала письма друга Плетнёву, готовившему к печати собрание сочинений поэта.

В 1840-е годы писательница с увлечением принялась за работу над биографиями знаменитых людей античного мира. Эту идею ей подсказал Петр Александрович Плетнёв. К 1851 году были подготовлены к изданию «Избранные жизнеописания знаменитейших людей в древности: ручная книга для детей, обучающихся истории». Материал охватывал всю античную историю, знакомил с бытом и нравами народов Древнего Востока, Греции, Рима. Зонтаг представила свой труд в Московский цензурный комитет, надеясь вскоре издать книгу. Но вдруг всё застопорилось – в рукописи были найдены «сомнительные места». Новая книга Анны Петровны «в нравственном отношении», по мнению цензуры, была... не очень выдержана. Обвинение в «безнравственности» было оскорбительно, и она решила не издавать рукопись. К счастью, этот случай не повлиял на дальнейшую литературную деятельность писательницы. Она продолжает заниматься переводами, готовит к очередному переизданию «Священную историю». Но денег катастрофически не хватает, урожаи в поместье малы, книги издаются не часто, а Анна Петровна всё продолжает помогать уехавшей за границу дочери.

***

После смерти Жуковского из Петербурга к ней обратились с предложением о продаже Мишенского наследнику (будущему императору Александру II) с тем, чтобы он подарил поместье детям Жуковского. Всё это могло наконец-то поправить ее материальное положение, ведь усадьба без крупных вложений разрушалась – прорвало каскад прудов, соломенная крыша барского дома течет,

все строения имения (а они были деревянные) приходят в упадок, тем более ее дочь Мария, проживающая в Вене, как гражданка иностранного государства, не могла наследовать имущество матери. Но Анна Петровна упорствует и не может решиться на такой шаг. Мишенское для нее слишком много значит – это детство, родные, Жуковский. И потом – она страшится за судьбу крестьян при новых владельцах. «Почти каждого крестьянина и каждую крестьянку я знала по имени, и нет ни одного человека, которому я бы не делала добра; им всем хорошо жить при мне, следовательно, все они меня... любят, и я стану продавать эти христианские души, которые называют меня матерью! При самом Жуковском крестьянам... было бы еще лучше, чем при мне; не так будет при детях его. Пока они в малолетстве, имение их достанется в управление лифляндским дворянам и лифляндским управителям, которые крестьян вообще, особливо русских, считают рабочим скотом, сотворенным господом только для того, чтобы доставлять помещикам доход. Несчастье бедных моих крестьян и в могиле не даст мне покоя», – так Анна Петровна объяснила свой отказ в письме к П. И. Бартеневу от 25 сентября 1853 года. Много уважения к простым людям можно увидеть в этих словах писательницы.

Анна Петровна была исключительно скромным человеком. В 1856 году тульский губернатор обратился к писателям – уроженцам губернии – с просьбой пожертвовать книги для городской публичной библиотеки. Получив послание, писательница передала библиотеке свою «Священную историю». В сопроводительном письме она подчеркивала: «Я никогда не имела притязания на почетное звание писательницы, довольствовалась скромным именем детской сказочницы и радовалась непритворным одобрениям малолетней публики». Но имя А. П. Зонтаг не забыто в литературных кругах. В 1858 году Общество

любителей российской словесности почтило писательницу избранием в свои члены.

В Мишенском по-прежнему протекала одинокая жизнь Зонтаг, ее одолевали болезни. И всё-таки Анна Петровна продолжает самоотверженно работать. В 1861 году она выпустила в свет перевод «Истории Англии» Ч. Диккенса. Эта новая работа, рассчитанная как на юного, так и на взрослого читателя, имела колоссальный успех. Известный демократ, популяризатор литературы и педагог Ф. Г. Толль в своем обстоятельном обзоре «Наша детская литература» (1862) отмечал, что еще не было ничего подобного этой книге как по живости рассказа, так и по «художественной рельефности картин и образов...».

Незадолго до смерти писательница успела подготовить и издать еще несколько книг для детского чтения. Скончалась великая труженица детской литературы 30 марта 1864 года в селе Мишенское, похоронена там же, в семейном склепе. На холме, на котором находилась усадьба, еще лежал снег с первыми проталинами, а в запущенном парке по-прежнему властвовала зима. Еще немного, и оживут заснеженные мишенские поля, а красавица Ока в половодье с грохотом погонит к Серпухову серые льдины. Но блестящие черные грачи, немилосердно шумя на всю округу, уже принялись готовить гнезда, следом явятся стайки скворцов, а ближе к маю взвоет в небо и жаворонок. Вечная жизнь расплещется по земле, запоет, зазвенит на тысячи голосов.

Где-то здесь в усадьбе, поблизости, ее любимый друг и поэт Василий Жуковский когда-то написал:

Пришла весна! Разрушив лед, река
Прибрежный лес в волнах изобразила;
Шумят струи, кипя вокруг человека...

Для современников смерть А. П. Зонтаг не прошла незамеченной. Историк-пушкинист П. И. Бартенев, хорошо знавший писательницу, в нескольких строках некролога удивительно точно определил значение ее творчества: «Дружба с Жуковским наложила печать простоты и задушевности на ее произведения. Она любила свое дело. Невозможно было без глубокого уважения глядеть на эту женщину, которая в маститой старости сохранила всю свежесть чувства и ума и на восьмом десятке не переставала трудиться для общей пользы». Здесь же он сообщил, что Анна Петровна не успела завершить популярную астрономию для детей.

«Не блеснит, но светит потихоньку» – таков был девиз писательницы А. П. Зонтаг. В русскую литературу она вошла не только как автор книг для детей. Наследие писательницы за период литературной деятельности весьма обширно. Кроме уже упомянутого перевода «Эдинбургской темницы» Вальтера Скотта, воспоминаний о Жуковском увидела свет также ее сатирическая повесть «Бальзак в Херсонской губернии», напечатанная в журнале «Современник» в 1838 году. Увы, многое издать ей не удалось. В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранятся оригинальные рассказы и переводы, сделанные Анной Петровной, русские народные загадки, собранные специально для П. В. Киреевского. Всё это еще ждет своих исследователей, издателей и читателей.

Современники Анны Петровны – В. А. Жуковский, П. А. Плетнёв, В. И. Даль, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, П. А. Вяземский – ценили ее как писательницу для детей и биографа первых лет жизни Жуковского. И. В. Киреевский в письме-статье «О русских писательницах» (1833), адресованном Зонтаг, выделяет ее, «которой труды – добро,

которая в сочинениях ищет не блеска, но пользы». Последняя в XIX веке книга Зонтаг – «Сочельник пред Рождеством Христовым, или Собрание детских повестей и рассказов...» – вышла в свет в 1880 году. В периодических изданиях ее сочинения и переводы печатались с 1810-го по 1904-й. Более восьмидесяти лет – с 1905 по 1988 годы – произведения Анны Петровны были практически не известны российскому читателю. Биография и библиография, краткая характеристика литературной деятельности Зонтаг представлены в словарных статьях энциклопедий конца XIX – начала XX веков, где она позиционируется как «известная» или «популярная» детская писательница первой половины XIX века и племянница В. А. Жуковского. Последняя в советское время словарная статья о ней дана в «Литературной энциклопедии» (М., 1930). В академических трудах и вузовских учебниках по истории русской и детской литературы имя ее упоминается в единичных случаях. Н. А. Бекетова в очерке 1927 года характеризует А. П. Зонтаг как профессиональную, «реакционную», «типичную писательницу для детей». В учебнике А. П. Бабушкиной «История русской детской литературы» (1948) писательница также упоминалась не в лучшем свете, в числе «реакционных» авторов, создававших для юношества исключительно религиозную литературу. Только М. Ш. Файнштейн в своей книге «Писательницы пушкинской поры», изданной в перестроечную пору, в 1989 году поместил очерк о писательнице «Наставницы юных» (А. П. Зонтаг, А. О. Ишимова, Л. А. Ярцева), который мы тоже использовали, и реабилитировал ее имя, справедливо указав, что «имя Зонтаг забыто, его не найти в изданиях по истории русской литературы 1950–80-х годов».

Полноценно возвращается имя писательницы только в 80–90-е годы XX века. Новый этап в изучении и, главное, в публикации наследия забытой писательницы ознаме-

нован выходом перестроенного сборника «Литературная сказка пушкинского времени» (М., 1988); изданием уже в новой России ее «Волшебных сказок» (М., 1992), «Рассказов и сказок» (Краснодар, 1998); книги «В. А. Жуковский в воспоминаниях современников» (М., 1999), хрестоматии «Русская детская классика» (М., 2002).

***

Последовательница эстетических и педагогических воззрений В. А. Жуковского, Анна Петровна Зонтаг создавала книги для образованного, в основном дворянского, «семейного круга» 1830–40-х годов. Она одна из той плеяды литераторов, с которых начиналась русская детская литература. Сегодня ее сказки и рассказы можно найти разве что в редких сборниках произведений русских классиков. Последняя, скромная, напечатанная на дешевой бумаге книга сказок, около шестидесяти страниц, выходила в 1992 году (издательство «Пресса»). Но произведения Анны Петровны по сей день не утратили своего воспитательного значения – идея добра и милосердия к нуждающимся в помощи людям независимо от их общественного положения, как общий нравственный принцип воспитания, сохраняла высокое моральное значение во все времена. Они по-прежнему могут использоваться как литературные произведения, а также и в воспитательных целях, возможно, после легкой адаптации для современного читателя.

Ау-ау! Мы разыскиваем издателя, который вернет сказки Анны Петровны Зонтаг широкому кругу российского читателя.